

УДК 343.1

В.С. Шадрин*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА С.А. ШЕЙФЕРА

Доказывание по уголовным делам, заслуженно признаваемое сердцевиной уголовного процесса, являясь сферой повышенного внимания профессора С.А. Шейфера. Его обстоятельно аргументированные взгляды на понятие и значение доказательств, цель и содержание доказывания составляют значительное наследие науки отечественного уголовного процесса, которое заслуживает тщательного анализа современниками и будущими поколениями юристов. В статье рассматриваются сохраняющие свою актуальность и развитые С.А. Шейфером в последние годы жизни представления о сущности доказательств, их свойствах, содержании и форме, а также элементах процесса доказывания, прежде всего о собирании доказательств и способах его осуществления. Научные суждения С.А. Шейфера особенно ценны тем, что испытываются «на прочность» в условиях конкуренции идей в теории доказательств, перманентного изменения уголовно-процессуального законодательства и продолжающегося поиска более отвечающей современной эпохе российской государственности модели уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, понятие, форма и содержание доказательств, процесс доказывания и его элементы, средства и способы собирания доказательств, проблемы теории доказательств.

Однажды 30 лет назад, весной 1987 года, в кабинет начальника кафедры уголовного процесса Высшей следственной школы МВД СССР, который мне менее года назад довелось занять, вошел на вид в возрасте чуть выше среднего, уже с седоватой шевелюрой, но еще довольно энергичный молодежавший человек и с открытой, дружелюбной улыбкой предложил познакомиться. Оказалось, что он — участник проходившей в это время в названном учебном заведении очередной конференции по проблемам борьбы с преступностью, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета С.А. Шейфер. Откровенно говоря, я, тогда еще лишь кандидат наук, доцент, был несколько смущен и одновременно польщен таким визитом, поскольку имя С.А. Шейфера как известного ученого-процессуалиста уже тогда мне было хорошо известно и вызывало у меня, как, впрочем, и у моих коллег, чувство искреннего и достаточно глубокого уважения. В частности, потому, что нам не только была знакома, но и активно использовалась в учебном процессе монография С.А. Шейфера «Следственные действия. Система и процессуальная форма» (М., 1981). Поскольку ВСШ являлась основной кузницей кадров следственного аппарата органов внутренних дел страны, вопросам производства будущими следователями следственных действий уделялось повышенное внимание. Из трех семестров, отведенных на изучение уголовного процесса, второй полностью посвящался досудебному производству, при этом для изучения темы «Следственные действия» выделялось не как в большинстве юридических вузов в настоящее время

2 учебных часа на лекцию и 4 (в лучшем случае) на последующие семинарские занятия, а гораздо больше времени. Поэтому названная книга С.А. Шейфера пользовалась и у преподавателей, и у слушателей повышенной популярностью.

В дальнейшем наше знакомство продолжилось и укрепилось, особенно в 90-е годы прошлого столетия, когда в ВСШ был создан диссертационный совет по научной специальности 12.00.09 (тогда — уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности) и Семен Абрамович, как и я, стал его членом, принимал деятельное участие в его заседаниях. Находясь на протяжении ряда лет вместе с ним в составе диссертационного совета, я воочию убедился в его высочайшей эрудированности, ясности мышления, безукоризненной логике рассуждений, точности в оценке выносимых на защиту результатов научных исследований, последовательности занимаемых им позиций в науке уголовного процесса. Для окружающих, в том числе для меня, он был, несомненно, мэтр, хотя никогда это не подчеркивал и не выпячивал, стараясь быть равным в общении с кем бы то ни было. Оставались наши отношения доверительными и взаимоуважительными и тогда, когда в 2000 г. я перешел на работу в Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В моей личной библиотеке имеются написанные им с того времени и до ухода из жизни книги с его дарственными надписями. В том числе: Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процес-

* © Шадрин В.С., 2017

Шадрин Виктор Сергеевич (vikt-shard@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44.

се: методологические и правовые проблемы. М., 1986; Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004; Шейфер С.А. Доказательства по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008; Шейфер С.А. Собрание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М., 2015. Вклад ученого в упрочение и развитие теории доказательств в отечественном уголовном процессе сосредоточен преимущественно в указанных научных трудах. Одновременно многие заслуживающие внимания науки уголовного процесса идеи, соображения, суждения относительно доказательств и доказывания высказаны им в многочисленных научных статьях, при выступлениях на научных конференциях и семинарах.

Принимая во внимание дискуссионность понятия доказательства и необходимость достижения его определенности на основе объективно существующих данных с учетом обстоятельств его возникновения и развития, С.А. Шейфер с использованием возможностей исторического анализа отмечал, что представление о доказательстве, прежде чем сформироваться в современном виде, менялось на протяжении длительного исторического периода. Заметной вехой на этом пути был переход от логико-психологических представлений, когда доказательство отождествлялось со способами получения нужной информации, к предметным представлениям, в соответствии с которыми доказательства рассматривались как факты, на которых суд строит свои выводы. В дореволюционное время таких взглядов придерживались видные ученые-процессуалисты Л.Е. Владимиров, С.И. Викторский, в советскую эпоху — А.Я. Вышинский, М.А. Чельцов. Однако оставался без рассмотрения вопрос, откуда берутся факты, т. е. достоверные сведения, признаваемые доказательствами, какова роль в их получении показаний обвиняемого, свидетеля, заключений экспертов, документов и т. д. Пытаясь его разрешить, М.С. Строгович разработал двойственную трактовку понятия доказательства, предложив признавать доказательствами и источники сведений, в частности показания, и сами сведения-факты. При такой конструкции доказательства-источники служили средством установления доказательств фактов, а последние — средством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Данная трактовка нашла отражение в ст. 69 УПК РСФСР, где доказательствами признавались любые фактические данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, устанавливаемые показаниями свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого и т. д. Тем не менее некоторые исследователи продолжали исходить из того, что доказательства — только устанавливаемые по уголовному делу факты действительности (фактические данные), а то, откуда они могут быть получены (показания и т. д.), — не доказательства, а лишь «источники доказательств». Что приводило к отождествлению доказательств с предметом доказывания, смешению реальных обстоятельств действительности с достоверным знанием

о них. В результате последующих научных исследований в качестве методологической основы определения понятия доказательства предпочтительнее признавать информационный подход, разработанный с позиций теории отражения в трудах В.Я. Дорохова, позволяющий выделять в сложном понятии доказательства две равнозначимые стороны — содержание (сведения) и форму (источники сведений) [1, с. 12–17]. Данный убедительно аргументированный вывод С.А. Шейфера, безусловно, заслуживает поддержки. Представляется возможным полагать, что ему полностью отвечает определение понятия доказательства, изложенное в настоящее время в ст. 74 УПК РФ, в соответствии с которым доказательствами «являются» любые сведения, на основе которых происходит установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и одновременно «в качестве доказательств» допускаются показания подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и т. д.

Проводимые С.А. Шейфером исследования привели его к выдвиганию концепции формирования доказательств в процессе познавательно-установительной деятельности субъекта доказывания. Ее сущность состоит в том, что процесс получения доказательств всегда включает в себя преобразование сведений, содержащихся в следах, и придание им надлежащей процессуальной формы — превращение их в показания, заключения, вещественные доказательства и т. д. Не все оказались готовы выражать согласие с подобным подходом. Так, В.Н. Зажицкий не без сарказма заявил, что подменять собирание доказательств их формированием непродуктивно, рассуждения об этом — научные фантазии, противоречащие принципу Оккама — «не умножай сущностей сверх необходимого» [2, с. 52]. Возможно, названный автор не стал бы занимать такую позицию, если бы внимательно прочитал ранее изложенное разъяснение С.А. Шейфера по данному поводу. «Следы — это еще не доказательства, ибо в своем первоначальном виде они не могут быть использованы субъектом доказывания для аргументирования промежуточных и конечных выводов. Чтобы это произошло, следы должны быть восприняты им и отражены в материалах дела. В ходе этой деятельности осуществляется, если можно так выразиться, «вторичное отражение» события — на этот раз в сознании следователя или судьи, а затем и в материалах дела, превращение следов в процессуальные средства установления истины. Именно в процессе восприятия следователем и судом и отражения в материалах дела следов события и **формируется** (выделено мной. — В.Ш.) доказательство в уголовно-процессуальном смысле» [3, с. 23]. Стоит отметить, что в качестве реакции на критику С.А. Шейфер, приведя упомянутое выше разъяснение в более подробном изложении, ответил В.Н. Зажицкому в ключе, наглядно характеризующем его как опытного, способного учитывать все нюансы дискуссии полемиста. «Что же касается научных фантазий, которые автор усматривает в позиции тех, с кем он не согласен, противоречащих якобы “принципу Оккама” о недопустимости умножения сущностей сверх необходимого, то возникает вопрос — не противоречит ли его собственная

позиция этому принципу, поскольку она неоправданно «упрощает сущности сверх необходимого?»» [4, с. 47, 48]. Позиция С.А. Шейфера поддержана многими учеными, поскольку она верна и заслуживает признания ее даже законодателем. «Учитывая, что термин «формирование» соответствует представлению о процессе образования доказательств, — полагает В.А. Семенов, — первоначальный элемент уголовно-процессуального доказывания следует именовать формированием, а не сбором доказательств, путем внесения соответствующих изменений в ст. 85 и 86 УПК РФ» [5, с. 131]. В современных условиях усиления требовательности к соблюдению установленного уголовно-процессуальным законом порядка введения сведений об обстоятельствах совершения преступления в производство по уголовному делу под угрозой признания полученных доказательств недопустимыми [6, с. 67–69] идея использовать термин «формирование» вместо «собрания» воспринимается как весьма актуальная.

Собрание доказательств было, можно сказать, любимой темой научных исследований С.А. Шейфера. Им всесторонне исследованы способы и средства сбора доказательств. Ранее, еще на основе анализа ст. 70 УПК РСФСР, он констатировал, что способами сбора доказательств закон считает: 1) производство следственных действий; 2) истребование предметов и документов; 3) требование о производстве ревизии; 4) принятие доказательств, представленных участниками уголовного процесса, гражданами и должностными лицами [3, с. 44]. Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит аналогичного перечня способов сбора доказательств, но, как представляется, все указанные выше способы в настоящее время вполне могут использоваться. Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, сбор доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом. Под «иными процессуальными действиями» вполне допустимо подразумевать, в частности, истребование предметов и документов, а также требование о производстве ревизии. Для обеспечения их реализации в ч. 4 ст. 21 УПК РФ прямо предусматривается, что требования, поручения и запросы прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их уголовно-процессуальных полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями должностными лицами и гражданами. Принятие государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовный процесс, доказательств, представленных участниками уголовного процесса, также вполне возможно и реально осуществляется в настоящее время. Поскольку, согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, что предполагает возможность их принятия в качестве таковых дознавателем, следователем или судом.

То же самое можно сказать о сборе доказательств способами, предусмотренными ч. 3 ст. 86, защитником подозреваемого, обвиняемого с последующим их представлением лицам, в производстве которых находится уголовное дело в период предварительного расследования, или в суд. На вопрос, могут ли быть сейчас субъектами представления доказательств иные, помимо сторон и правоохранительных органов, субъекты, С.А. Шейфер обоснованно дает положительный ответ, одновременно обращая внимание на некоторые нюансы, связанные с особенностями современной уголовно-процессуальной регламентации сбора доказательств. В частности, он отмечает, что «посторонние граждане» — не участники уголовного процесса — не лишены права представлять обнаруженные ими доказательственные материалы, но это в настоящее время не более чем моральное должностное [6, с. 91].

Необходимо заметить, что, хотя в ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ говорится о сборе доказательств сторонами и их представителями, на самом деле осуществляемая ими деятельность по получению и представлению органам предварительного расследования и суду предметов или документов, способных содержать доказательственную информацию, еще не приводит к реальному появлению (формированию) доказательств. Такой вывод вполне определенно следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных ранее в ряде его определений (определения от 04.03.2004 № 145-О, от 04.04.2006 г. № 100-О и др.). Соответственно, следует иметь в виду, что «процедура представления должна учитывать, что признание представленного объекта доказательством — это прерогатива следователя (суда). Поэтому, приняв решение об относимости или неотносимости представленного документа к делу, следователь выносит постановление, а суд — определение об удовлетворении ходатайства и принятии предмета или документа либо об отказе в удовлетворении ходатайства и о возврате объекта владельцу» [7, с. 104].

Основным способом сбора доказательств является, разумеется, производство следственных действий, чему С.А. Шейфер посвятил ряд монографий и множество научных статей. Рассматривая различные упоминаемые в юридической литературе точки зрения на понятие следственного действия, он совершенно обоснованно связывал данное понятие со словами «след», «исследование» [8, с. 6]. Рассматривая в качестве следственных действий осуществляемые в установленном законом порядке процессуальные действия познательного характера, в том числе действия следователя, дознавателя, он отмечал: «...познательная сторона следственного действия состоит в том, что в результате его проведения следователь получает фактические данные, сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Полученные законным способом и зафиксированные в предусмотренной законом форме, эти данные становятся доказательствами. Под этим углом зрения следственное действие представляет собой способ сбора доказательств» [9, с. 12].

Многолетние всесторонние исследования сущности, значения, правовой регламентации и проблем производства следственных действий привели С.А. Шейфера не просто к ряду, а к системе взаимосвязанных выводов, которые не могут не приниматься во внимание как современниками, так и его возможными последователями на поприще исследования следственных действий, как способу собирания доказательств, в том числе: 1) в определении сущности следственного действия необходимо исходить из содержания деятельности следователя (суда) на начальном этапе доказывания. Эта деятельность состоит в выявлении, отображении и закреплении в материалах дела фактических данных, содержащихся в следах, оставленных событием. В этом смысле следственное действие выступает как применяемый следователем (судом) способ формирования доказательств; 2) будучи инструментом познания, следственное действие обладает сложной структурой, охватывающей познавательные и удостоверительные операции, облеченные в правовую форму; 3) специфическое для каждого следственного действия сочетание указанных операций, в свою очередь, предопределено объектом и целью познания; 4) каждое следственное действие имеет строго определенную его целью сферу применения; 5) совокупность норм, регулирующих производство следственного действия, образует специфический уголовно-процессуальный институт с одинаково необходимыми для всех следственных действий и объединенными однотипной связью структурными элементами; 6) реализация нормативных предписаний, образующих институт следственного действия, — это акт применения уголовно-процессуального права следователем (судом), складывающийся из принятия решения о проведении следственного действия, выполнения познавательных и правообеспечительных операций закрепления полученных результатов [8, с. 53, 54].

Рассматривая вклад С.А. Шейфера в развитие отечественной теории доказательств в уголовном процессе, нельзя не отметить, что на протяжении всей своей научной жизни он исходил из необходимости считать целью доказывания по уголовному делу достижение объективной истины. Последовательно отстаивая свою позицию, он сумел привести в ее обоснование такие аргументы, которые не могут игнорироваться при разрешении современных злободневных проблем определения цели доказывания по уголовным делам и вполне сохраняют свое значение в настоящее время, как бы их ни пытались опровергнуть.

Разумеется, нельзя отрицать, что не по всем уголовным делам объективная истина достигается. Более того, возможность такого развития событий запрограммирована самим уголовным законом, предусматривающим в настоящее время презумпцию невиновности в качестве принципа уголовного процесса, особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением или в случае заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Вытекающее из презумпции невиновности гуманное положение о толковании всех неустранимых сомнений в виновности

обвиняемого в его пользу, выраженное в известной сентенции французских просветителей XVIII века «лучше не осудить 10 виновных, чем осудить 1 невиновного», возможность постановления судебного приговора без исследования доказательств в судебном заседании, согласно положениям глав 40, 40.1 УПК РФ, обуславливают допустимость руководствоваться при принятии итогового решения по уголовному делу формальной (юридической, конвенциальной) истиной, и это полностью соответствует современному назначению уголовного судопроизводства. Но для констатации судом доказанности виновности обвиняемого необходимо достижение именно объективной истины, что предопределяется запретом вынесения судебного приговора на основании лишь предположений (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Предположение — всегда вероятность, а ее антипод, то есть то, что требуется для постановления обвинительного приговора, — достоверность, под которой подразумевается доказанная истинность выводов по уголовному делу.

Разумеется, рассмотрению всех проблем определения сущности и значения объективной истины для правильного, законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела в современном российском уголовном процессе можно посвятить целую монографию. Да, вопрос об объективной истине ставится в науке уголовного процесса сейчас иначе, чем в советскую эпоху. Только следует иметь в виду, что отказ от признания объективной истины целью доказывания ведет прямо к заслуженно отвергнутой ранее идее вынесения обвинительных приговоров на основе не достоверности, а вероятности, что открывает широкий простор для осуждения невиновных и тем самым поправки конституционной идеи о высшей ценности человеческой личности. Поэтому следует признать правоту С.А. Шейфера в том, что «позиция агностицизма... в сфере доказывания не имеет под собой теоретических оснований. И это подтверждается повседневной практикой не только научного, но и уголовно-процессуального познания, убеждающего, что события прошлого познаваемы, каким бы трудным ни был путь познания» [7, с. 47, 48].

В заключение стоит отметить, что С.А. Шейфер никогда не позволял себе «жить старым багажом» или «почивать на лаврах». Он активно стремился идти в ногу с современными веяниями в науке уголовного процесса вообще и в теории доказательств в частности.

Об этом наглядно свидетельствует его последняя монография, где он поднимает буквально животрепещущие проблемы в сфере уголовно-процессуального доказывания, в том числе: определение роли прокурора и следователя в собирании доказательств, что непосредственно связано с оценкой состояния и перспектив реформирования досудебного производства [10, с. 134, 135]; современное содержание досудебной проверки как способа собирания доказательств; трансформацию представлений о доказательствах в обновленном уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и сопредельных стран [11, с. 12–57]. В совсем недавних статьях С.А. Шейфер провел компетентный анализ предложенных

ний ряда авторов о пополнении системы следственных действий новыми познавательными приемами [12, с. 115–127], совместно с В.А. Лазаревой обстоятельно проанализировал проблемы доказывания, связанные с расширением пределов досудебной проверки и институированием дознания в сокращенной форме [13, с. 16–21].

Очень жаль, что С.А. Шейфера уже нет с нами и мы уже никогда не увидим его новых публикаций по злободневным проблемам теории доказательств, досудебного производства по уголовным делам, где он являлся и является признанным специалистом высочайшего класса. Но он оставил глубокий след в отечественной науке уголовного процесса. Выдвинутые им идеи, тщательно разработанные научные положения продолжают жить, предоставляя всем интересующимся наукой и практикой уголовного процесса возможность воспользоваться ими как научным наследием высокоуважаемого профессора Семена Абрамовича Шейфера.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1 (14). С. 12–19.
2. Зажицкий В.Н. Трудности представления результатов оперативно-розыскной деятельности властным участникам уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 47–52.
3. Шейфер С.А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Самара: Самарский университет, 1986. 172 с.
4. Шейфер С.А. Формирование доказательств по уголовному делу – реальность доказательственной деятельности или «научная фантазия»? // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 46–48.
5. Семенов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 593 с.
6. Шадрин В.С. Уголовное досудебное производство: ответы на вопросы прокуроров и следователей. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2009. 128 с.
7. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. 240 с.
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. 208 с.
9. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. 184 с.
10. Шадрин В.С. Современное состояние и перспективы реформирования досудебного производства в российском уголовном процессе // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 133–137.
11. Шейфер С.А. Собрание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории, практики. М., 2015. 112 с.
12. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex russica. 2015. № 10. С. 115–127.
13. Лазарева В.А., Шейфер С.А. О понятии доказательства в связи с особенностями дознания, проводимого в сокращенной форме // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 16–21.

References

1. Sheifer S.A. Poniatie dokazatel'stva kak predmet nauchnoi diskussii [Concept of evidence as the subject of scientific debate]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» [Herald of Omsk University. Series "Law"], 2008, no. 1(14), pp. 12–19 [in Russian].
2. Zazhytsky V.N. Trudnosti predstavleniia rezul'tatov operativno-rozysknoi deiatel'nosti vlastnym uchastnikam ugolovnogo sudoproizvodstva [Difficulty of presenting the results of investigative activities of government participants in criminal proceedings]. Rossiiskaia iustitsiia [Russian Justitia], 2008, no. 2, pp. 47–52 [in Russian].
3. Sheifer S.A. Sobiranie dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse: metodologicheskie i pravovye problemy [Collection of proofs in the Soviet criminal process: methodological and legal problems]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 1986, 172 p. [in Russian].
4. Sheifer S.A. Formirovanie dokazatel'stv po ugolovnomu delu – real'nost' dokazatel'svennoi deiatel'nosti ili «nauchnaia fantaziia»? [Forming evidence in a criminal case – reality of the evidentiary activity or "scientific fantasy"?]. Rossiiskaia iustitsiia [Russian Justitia], 2009, no. 4, pp. 46–48 [in Russian].
5. Sementsov V.A. Izbrannye stat'i po ugolovnomu protsesu [Selected articles in the criminal process]. Krasnodar: Prosveshchenie-Iug, 2013, 593 p. [in Russian].
6. Shadrin V.S. Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: otvety na voprosy prokurorov i sledovatelei [Criminal pre-trial proceedings: answers to the questions of prosecutors and investigators]. SPb: Sankt-Peterburgskii iuridicheskii institut (filial) Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2009, 128 p. [in Russian].
7. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniia [Evidences and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. M., 2008, 240 p. [in Russian].
8. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia. Sistema i protsessual'naia forma [Investigative actions. System and procedural form]. M., 2001, 208 p. [in Russian].
9. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia. Osnovaniia, protsessual'nyi poriadok i dokazatel'svennoe znachenie [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. M., 2004, 184 p. [in Russian].
10. Shadrin V.S. Sovremennoe sostoianie i perspektivy reformirovaniia dosudebnogo proizvodstva v rossiiskom ugolovnom protsesse [Modern condition and perspectives of reforming pre-trial proceedings in the Russian criminal process]. Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniu [Russian journal of legal studies], 2014, no. 4(1), pp. 133–137 [in Russian].
11. Sheifer S.A. Sobiranie dokazatel'stv po ugolovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii, praktiki [Collection of evidence in a criminal case: problems of legislation, theory, practice]. M., 2015, 112 p. [in Russian].

12. Sheifer S.A. Sledstvennyye deistviia – pravomerny li novye traktovki? [Investigative actions – whether new interpretations are lawful?]. Lex russica, 2015, no. 10, pp. 115–127 [in Russian].

13. Lazareva V.A., Sheifer S.A. O poniatii dokazatel'stva v sviazi s osobennostiami doznaniia, provodimogo v sokrashchennoi forme [On the concept of evidence in connection with the specific inquiry conducted in reduced form]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2017, no. 5, pp. 16–21 [in Russian].

*V.S. Shadrin**

EVIDENCES AND PROVING IN THE CRIMINAL PROCESS: SCIENTIFIC LEGACY OF PROFESSOR S.A. SHEIFER

Proving in criminal cases, deservedly recognized as the core of the criminal process, was the sphere of increased attention of Professor S.A. Sheifer. His well-argued views on the concept and significance of evidence, the purpose and content of evidence constitute a significant legacy of the science of the domestic criminal process, which deserves careful analysis by contemporaries and future generations of lawyers. In this article, S.A. Sakharov retains its topicality and development. In the last years of his life, Sheifer presented ideas about the essence of evidence, their properties, content and form, as well as elements of the process of proof, first of all collecting evidence and ways to implement it. Scientific judgments of Sheifer are especially valuable in that they are tested "for strength" in the conditions of competition of ideas in the theory of evidence, the permanent change in the criminal procedural legislation and the ongoing search for a model of the criminal process more appropriate to the modern era of Russian statehood.

Key words: criminal procedure, concept, form and content of the evidence, process evidence and its elements, tools and ways of gathering evidence, problems of proof theory.

* *Shadrin Viktor Sergeevich* (vikt-shard@yandex.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Saint-Petersburg law institute (branch) of Federal Establishment of Higher Education «Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation», 44, Liteynyi Avenue, Saint-Petersburg, 191104, Russian Federation.